

Татьяна Базарова. Русско-турецкая война 1686–1700 гг.: походы и дипломатия

Tatiana Bazarova (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences). The Russian-Turkish War of 1686–1700: campaigns and diplomacy

DOI: 10.31857/S2949124X24020025, EDN: HKIVFC

Недавно отмеченное 350-летие со дня рождения Петра Великого вызвало в российском обществе значительный всплеск интереса как к биографии первого российского императора, так и к его государственной деятельности. Петровские преобразования ознаменовали отход от устоявшихся традиций и показали дальнейшие пути развития общества и государства. Круглая дата стала для историков прекрасным поводом по-новому взглянуть на эпоху, оценить вклад предшественников и дать иные оценки событиям как прекрасно изученным, так и малоизвестным.

Практически вся история царствования Петра Великого — это история войн. Не случайно основной вектор петровских реформ был направлен на преобразование армии, создание военно-морского флота и ориентированной на их потребности промышленности. Современные исследователи справедливо называют Россию петровской эпохи военно-фискальным государством¹⁹. Наибольшее внимание учёные уделяют главному военному конфликту, в котором участвовала петровская Россия, Северной войне (1700–1721). Это, безусловно, оправдано, поскольку именно успехи в войне со Швецией позволили России нарушить уже сложившийся баланс сил в Европе и уверенно войти в число великих держав.

Продолжавшаяся 14 лет война с Османской империей (1686–1700) стала вторым по продолжительности конфликтом России петровской эпохи и самым длительным в истории русско-турецких взаимоотношений. Тем не менее нужно констатировать, что для историков она «оставалась в тени» Северной войны, являлась только преддверием будущих великих событий. С вступлением России в боевые действия против Швеции русские интересы сместились в сторону Западной Европы, события на южных рубежах государства в политике Петра отошли на второй план. Неудача в следующем военном противостоянии Османской империи (1710–1713) «свела на нет большую часть достижений России на южном направлении» (с. 9)²⁰. К тому же в отечественной историографии с XIX в. сложилась традиция разбивать военные действия на отдельные походы — Крымские (1687, 1689) и Азовские (1695, 1696). В первые походы русская армия отправилась в годы регентства царевны Софьи Алексеевны, вторые пришлось на начало самостоятельного правления Петра Алексеевича. Крымскую и Азовскую кампании разделяет несколько насыщенных политическими событиями лет (стрелецкий бунт и борьба за власть в Кремле).

¹⁹ См., например: *Нефёдов С.А.* Петровские преобразования в контексте теории военной революции // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2023. № 2. С. 82–96.

²⁰ Авторы монографии указывают на неудачу Прутского похода (1711). Между тем ситуацию усугубила недалёковидная политика русского правительства, затянувшего выполнение условий Прутского мира. Значительно сильнее ударил по политическому престижу России ознаменовавший завершение конфликта Адрианопольский мирный договор (1713), в который вернулась статья «о крымской даче».

Монография А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина нарушает устоявшуюся традицию и даёт возможность по-новому оценивать события на южных рубежах России в конце XVII в., включив их в контекст общеевропейской военной, политической и дипломатической истории. Их подход можно оценить как новаторский.

Как показали авторы монографии, впервые выделять конфликт в «самостоятельную» русско-турецкую войну начали только во второй половине XX в. в статьях энциклопедий и справочников. Они констатировали, что в отечественной историографии не сложилось единого мнения, с каким событием нужно связывать окончание войны — с Карловицким конгрессом (1699), на котором было подписано перемирие, или с Константинопольским мирным договором (1700). Большинство современных историков склоняются к 1700 г., хотя по-прежнему есть сторонники и 1699 г.²¹ Как представляется, после выхода монографии Гуськова, Кочегарова и Шамина можно поставить точку в этой дискуссии. Исследователи убедительно показали, что «Константинопольский мир завершил русско-турецкую войну 1686–1700 гг. и подвёл черту под активностью московской дипломатии XVII в. на южном направлении» (с. 502).

После обстоятельного историографического обзора, в котором отмечены основные вехи изучения русско-турецкой войны²², авторы выделили три её основных хронологических периода: «Крымский» (1686–1689), «Оборонительный» (1690–1694) и «Османский» (1695–1700). Данная периодизация позволила выстроить логичную структуру монографии. Но достоинство её определяется не только последовательным описанием хода сражений на различных театрах военных действий или особенностей подготовки армии к грядущим походам, скрупулёзным выявлением и анализом архивных источников, которые наряду с опубликованными материалами стали надёжной базой исследования. Авторы сформулировали и, как представляется, успешно решили сложную задачу «показать место войны в формировании идеологических и политических основ внешней политики России эпохи Петра I». Русско-турецкую войну они изучили в контексте международных отношений, активизации политики Петра Великого не только на южном, но и европейском направлении. С учётом этого значительное место в монографии уделяется деятельности Посольского приказа. Как военные действия разбиваются на отдельные кампании, так и действия русских дипломатов последовательно изучаются в контексте реализуемых государем на различных этапах войны политических целей.

Поставленные Петром I задачи решали самые опытные дипломаты Посольского приказа конца XVII в., досконально знавшие посольский обычай представители «старого поколения», начинавшие службу ещё при царе Алексее Михайловиче — К.Н. Нефимонов, П.Б. Возницын, Е.И. Украинцев. С одной стороны, огромный дипломатический опыт, уже давно налаженные связи

²¹ Аваков П.А. Зачем Пётр I предпринял поход на Азов? // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 659–663.

²² В историографическом обзоре учтены, пожалуй, все ключевые работы отечественных историков, затрагивавшие различные аспекты заявленной темы. Однако авторы оставили без внимания труды В.Е. Возгрина, уделявшего большое внимание русско-крымским и русско-турецким отношениям конца XVII — первой четверти XVIII в. (Возгрин В.Е. История крымских татар. Очерки этнической истории коренного населения Крыма. В 4 т. Т. 1. СПб., 2013; и др.).

и контакты давали им ряд преимуществ, с другой — старые дипломаты привыкли действовать в привычных рамках и не умели оперативно реагировать на менявшуюся международную обстановку. В книге впервые в историографии анализируется миссия Нефимонова в Вене. Он был направлен Посольским приказом ко двору цесаря Леопольда I в декабре 1695 г. с целью «получить письменные гарантии о продолжении совместной войны до полного разгрома турок и “общего согласия” при ведении мирных переговоров» (с. 319–320). По сложившейся традиции при назначении главой важной миссии дипломата повышали в чине или должности. Авторы монографии уточняют дату производства Нефимонова из старых подьячих в дьяки Посольского приказа — 24 марта 1695 г.²³ Статейный список посланника был опубликован ещё в XIX в. в восьмом томе «Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными», однако миссия дьяка ранее не получала развёрнутой оценки в трудах историков. Как правило, исследователи только вскользь упоминали о действиях Нефимонова в Вене²⁴. В сочинении о Великом посольстве Д.Ю. и И.Д. Гузевичи писали о неподготовленности миссии, серии грубых ошибок, допущенных Посольским приказом при её подготовке, а также ошибках самого русского посланника²⁵.

А.Г. Гуськов, К.А. Кочегаров и С.М. Шамин последовательно, день за днём, изучили деятельность Нефимонова в Вене, установив, что во время пребывания в австрийской столице (с 19 марта 1696 г. по 14 февраля 1697 г.) русский дипломат провёл более двух десятков встреч и «разговоров». Для детального анализа дипломатических ходов и результатов деятельности дьяка они применили не только хронологический, но и проблемный подход. Отмечу, что ранее именно такие подходы применительно к изучению миссии Украинцева в Стамбуле использовал и М.М. Богословский. Авторы коллективной монографии отметили низкий дипломатический статус Нефимонова и его чёткое следование инструкциям Посольского приказа. Перед дьяком не стояла задача подписать союзный договор. Как указывают авторы, основными целями были только предварительные переговоры о двустороннем союзе, а также обеспечение приезда австрийских инженеров в Россию. Они также выдвинули гипотезу, что как раз во время переговоров в Вене и родилась идея Великого посольства. Важнейший итог миссии Нефимонова — подписание Венского соглашения, которое стало первым опытом России в заключении многосторонних договоров.

Несомненно, при анализе русско-турецких и русско-крымских отношений конца XVII — начала XVIII в. нельзя оставить без внимания Карловицкий конгресс. В 1698–1699 гг. в Карловицах проходили сложные переговоры между странами Священной лиги и Османской империей, которые должны

²³ В историографии встречалась другая дата — 24 июля 1695 г. По мнению А.В. Захарова, Нефимонов стал первым из сотрудников Посольского приказа, отправленным к европейскому двору в звании секретаря. Это произошло ещё в 1686 г. во время регентства Софьи (*Захаров А.В.* Первый в России секретарь и посольские звания при Петре I // *Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова.* М., 2023. С. 229, 231).

²⁴ *Богословский М.М.* Пётр Великий: Материалы к биографии. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 — 9 марта 1697. М., 2005. С. 273.

²⁵ *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 22–23.

были завершить многолетнюю Великую турецкую войну. Россия впервые участвовала в совместном с партнёрами по коалиции международном форуме. Ранее русским дипломатам не приходилось вести переговоры с османскими послами на таком высоком уровне и при посредничестве англичан и голландцев. В отличие от миссии Нефимонова, деятельность на конгрессе русских дипломатов, во главе с Возницыным (ему для повышения статуса присвоили ранее не существовавший чин думного советника) не раз попадала в фокус внимания исследователей. Значительное место в своей незаконченной истории Петра Великого Карловицкому конгрессу уделит Богословский²⁶. Оценивая ход и итоги переговоров, одни учёные отмечали, что Австрия оставила Россию без дипломатической поддержки (в частности, в претензиях на Керчь)²⁷, другие придерживались точки зрения, что австрийцы всё-таки не бросили союзников и оказывали русским посильную помощь²⁸. Основные положения данного подраздела монографии ранее нашли отражение в статье одного из её авторов²⁹. Формат монографии позволил ему подробнее остановиться на анализе различных этапов переговоров, заострив внимание на малоизученных обстоятельствах, которые он был вынужден опустить в статье (например, посреднической роли и связям П.В. Постникова).

14(24) января 1699 г. Османская империя и Россия подписали двухлетнее перемирие. Авторы монографии справедливо не стали оценивать заключение короткого перемирия вместо длительного договора (к которым пришли союзники России по антитурецкой коалиции) как поражение русской дипломатии. Весной 1699 г. для подписания мирного договора в Стамбул на военном судне «Крепость» отправились чрезвычайные посланники Е.И. Украинцев и И. Чередеев. Им надлежало добиваться сохранения за Россией всех завоеванных земель, а также разрешения на торговлю с Османской империей через Чёрное море. Принятое Петром Великим решение отправить дипломатическую миссию на одном из новых кораблей Гуськов, Кочегаров и Шамин рассмотрели в контексте стремления «заявить о России как новой морской державе». Действительно, в отечественной историографии устоялось мнение, что прибытие к берегам Босфора русского военного судна продемонстрировало Высокой Порте силу молодого Азовского флота и оказало положительное воздействие на ход переговоров. Однако, скорее всего, это имело противоположный результат, вызвало опасение и недоверие у османских министров, создало излишнюю напряжённость, которые в течение долгих месяцев приходилось преодолевать русским посланникам. Всего у посланников с представителями Порты состоялось 23 или 24 конференции. Оценивая общий ход переговоров, авторы монографии подчёркивают, что он «в целом соответствовал канве дипломатического противостояния на Карловицком конгрессе» (с. 489). В тексте Константинопольского договора нашли отражение ключевые итоги мирных переговоров — зафиксированы

²⁶ Богословский М.М. Пётр I: Материалы для биографии. Т. III. Стрелецкий розыск, воронежское кораблестроение, городская реформа 1699 г., Карловицкий конгресс: 1698–1699 гг. М., 1946. С. 336–461.

²⁷ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 17–18; Павленко Н.И. Пётр Великий. М., 1994. С. 116.

²⁸ Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство... С. 113.

²⁹ Гуськов А.Г. Участие России в Карловицком конгрессе (1698–1699 годы): русская дипломатия в раннее Новое время // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 119–141.

изменения границ двух государств и прекращение выплаты дач Крымскому ханству. Вопрос о торговом соглашении отложили до прибытия великого посла с ратификацией договора.

Коснулись авторы книги и проблем ратификации мирного договора и размежевания земель между двумя государствами, хотя хронологически это выходит за рамки заявленной темы. Тем не менее исследователи справедливо рассматривают их в качестве итогов русско-турецкой войны, повлиявших на дальнейшее развитие взаимоотношений соседних государств. Мирный договор не снял напряжённости в русско-турецких отношениях. В декабре 1702 г. Высокая Порта потребовала уничтожить крепость Каменный Затон и военные корабли в Азове и Таганроге, прекратить строительство флота в Воронеже и приступить к пограничному размежеванию. Занятый войной со шведами, Пётр I согласился пойти на некоторые уступки. Переговоры о границе между Османской империей и Россией проходили в 1704–1705 гг. Условия Константинопольского мира подразумевали разные подходы для различных регионов. Частичное разграничение новых присоединённых к России земель состоялось в октябре 1704 г. У Азова со стороны Кубани насыпали каменно-земляные курганы («признаки»). Разграничение остальной территории оговорили только на письме, что соответствовало желанию Петра I не чинить «явных знаков», чтобы в «пустынных землях» сохранить за подданными обоих государств возможность заниматься различными промыслами. Письменное соглашение («межевая запись») о границе появилось только 22 октября 1705 г. Межевые записи, определившие в 1705 г. русско-турецкую границу по Бугу и степью до Днепра, русские пограничные комиссары использовали при разграничении земель в 1714 г.

Совместный труд трёх учёных, признанных специалистов в области исследования истории России конца XVII — начала XVIII в., не только стал заметным явлением в современной историографии, но и показал дальнейшие перспективы изучения событий петровской эпохи. Авторы монографии пришли к выводу, что итоги русско-турецкой войны 1686–1700 гг. оказались положительными для России. В начале царствования будущего российского императора перед политиками, военными и дипломатами ставились новые проблемы, многое делалось впервые. Неслучайно слова «впервые» и «в первый раз» так часто встречаются на страницах книги. В годы русско-турецкой войны удалось приобрести неоценимый опыт не только подготовки армии к походу, строительства новых крепостей, ведения военных действий, но и дипломатических переговоров, который был востребован во время Северной войны. После неудач предпринятых правительством царевны Софьи Крымских походов, Пётр I решительно сменил направление военных действий, переключившись на турецкую крепость Азов. Всего несколько лет спустя, потерпев поражение под Нарвой (1700), государь также поменял направление похода в Ингерманландии: по его указу русские полки выдвинулись к Нотебургу и Ниеншанцу. Именно в годы русско-турецкой войны Россия вошла в общеевропейскую систему договоров и коалиций. В начале XVIII в. на смену «старой гвардии» Посольского приказа пришли новые люди. Одним из дипломатов следующего поколения стал кн. Д. М. Голицын, доставивший в Адрианополь ратификацию Константинопольского мирного договора. Постоянные представители Петра Великого активно действовали как при османском, так и при западно-европейских дворах.